

Невольные издержки юбилейной страды

Наша насыщенная научными учреждениями территория в последнее время часто отмечает юбилей отцов-основателей. Сто лет со дня рождения, девяносто и девяносто пять... Добровольцы Великой Отечественной, поколение победителей – крупные ученые, создатели и провозвестники серьезных научных направлений и школ – их вклад в нашу культурную жизнь забываем, слава их заслужена. В этом потоке чувствований, несколько отодвинутом в сторону пандемийными ограничениями, затерялась прошлогонная дата – столетие со дня рождения известного российского писателя, фронтовика-добровольца, поэта, организатора крупного литературного процесса в послевоенной России Леонида Решетникова (1920 – 1990). Нынче, 17 июня, ему исполнился бы 101 год. Краткие мои записки призваны в какой-то мере восполнить упущение.

Леонид Васильевич Решетников последние свои годы жил в Академгородке, рядом с Домом Учёных, в близком соседстве со знаменитыми коттеджами, где вместе с семьями обитали переселенцы Сибирского научного центра. Уникальная интеллектуальная среда, открытия и дискуссии, научные страсти, бушевавшие здесь, – вот что питало его творчество того периода, наряду с фронтовыми воспоминаниями, лиричными переживаниями, навеваемыми здешней первозданной природой.

Городок тогда достраивался, институты принимали пополнения новых сотрудников, готовые, с иглолки, жилые кварталы предоставляли им комфортные по тем временам квартиры. По особым велодорожкам проносились, как всадники, бы-

строгие велосипедисты, во дворах обживали песочницы и качели веселые, сосредоточенные на играх дети. И самое главное – успешность в делах. Лаборатории и кабинеты многочисленных НИИ давали перспективу отважной мысли, помогали утвердить и претворить в действительность самые смелые мечтания.

Общее приподнятое настроение испытывал и передавал другим стихами и Решетников, будто бы сторонний наблюдатель (литератор, а не ослепленный технарью или, скажем, филолог), на самом деле непосредствен-

Сложные времена переживает нынче художественная литература. Продавцы книг прямо говорят о снижении читательского спроса, иные, не тая горечи, рассуждают об упадке. Винить некого, процесс перехода от бумажных носителей на электронные практически завершается во всем мире. А вот читатели с такой реальностью не всегда согласны. Литературные объединения живут, книги, несмотря ни на что, покидают стены типографий. Крупицы прежнего опыта становятся семенами новых посевов. В этой связи редакция «Бумеранга» и клуб Дома Учёных Сибирского отделения РАН «Литературная мастерская» предпринимают совместную попыт-

ку возродить старинную традицию публикации литературных страниц, где печатались бы материалы писателей, в разное время живших в Академгородке, Кольцово, Бердске, связанных своим творчеством со здешними местами, а также произведения литераторов, обитающих в нашей местности и ныне. Полагаем, что читательский интерес к литературному творчеству не угаснет со временем, и наш проект осуществится и продолжится.

Борис ТУЧИН, член Союза писателей и Союза журналистов России, руководитель клуба «Литературная мастерская»

Л. Решетников: «Чтоб живым я тебя в моем сердце унес»

ный участник событий, стихийный историк, своим неумолимым пером способствовавший этой героической повседневности

Не астроном, не астрофизик,
Не летчик даже – не лечу.
Отнюдь с галактикой не близок,
- Чего ж о ней я хлопочу?
Зачем хочу я всею силой,
Чтобы ракета, взмыв вдали
И опалив траву тротилом,
Ушла к Венере от Земли? (...)
О чем пекусь, покуда в небо
Глядят ракета на лугу,
Как о воде и черном хлебе?
Чтоб знать:
И это я могу!

До непосредственных путешествий в космосе дело, конечно, не дошло. Однако он не забывал напомнить, что Спутник уже был, Гагарин летал, многое на Советской земле наука осуществила, и в ближайшем будущем намерена

осуществить еще больше. Одно из прозвучавших на всю страну стихотворений Решетникова «В Новосибирском Академгородке» тоже уже было написано и опубликовано.

В Новосибирском Академгородке

В таежный вписанный массив,
Как в раму вставленный набросок.
Он не закончен и не бросок,
Но по-особому красив.

Вокруг леса сжигает осень,
И он – в рябиновом огне –
Стоит спиной –
К прибою сосен,
Лицом – к речной голубизне.

Там – лес антенн радиолоний,
И подстроильные леса,
И прямизна углов и линий,
Домов и просек – сквозь леса.

Там, как аквариумы, зданья –
И свет, и тень сквозь них видны –
И вдаль, к высотам мирозданья,
Ладони крыш вознесены.

И с этих крыш, как глаз циклопа,
Под звездным небом просверкав,
На Марс взирают телескопы,
На мир каналов и канав.

И, взяв несвойственные свойства,
Свои превысивши права,
Живут там счетные устройства,
Как мыслящие существа...

И всё же полночью осенней,
Когда весь город тих и пуст,
Среди кустов мелькают тени,
И слышен сучьев громкий хруст.

С ветвей росы сбивая проседь
И, лист хватая языком,
Идут по старым тропам лоси,
Как тыщи лет, за вожаком! –

Но вдруг – шоссе, крылечко дома,
Почтовый ящик для газет,
И свет от лампы, незнакомо
сверкающий в копытный след.

И вот они, в пару дыханья,
Стоят, скосив свой влажный глаз,
И долго смотрят в окна зданья,
Где спят биологи сейчас.

Из книги «Голубые пристани»

Каким он запомнился мне

Леонид Решетников стал редактором моей поэмы «Сражение с мол-

нией» и, по сути, открыл мне путь в литературу. Вот как это было.

К моменту моего обращения в редакцию журнала «Сибирские огни» за литературной консультацией, я имел опыт работы внештатным корреспондентом в томской областной молодежной газете, публиковал там же стихи. Литературную работу прекращать не собирался, но то, как она сложится, представлял себе весьма приблизительно, однако считал её так или иначе связанной с полученной специальностью врача. Так и случилось.

Получив диплом об окончании медицинского института, приехал в Кемерово, где уже самозабвенно трудился мой близкий друг по институту, ранее меня вуз окончивший. Он-то и поделился со мной своими переживаниями по поводу подготовленной и проведенной им необычайно ответственной, сложнейшей операции. Мой товарищ, столкнувшийся со смертельным проявлением лейкоза, решил применить новый метод лечения, состоявший в пересадке больному донорского костного мозга. Операция редкая, тяжелая по исполнению и сегодня, годы спустя, не всякому врачу и даже не любой из больниц доступна. Тогда же – тем более. Результат был убедительный: мальчик выжил, болезнь отступила. Мною овладело сильное побуждение рассказать людям об этом неординарном происшествии. Учитывая особые романтические обстоятельства события, а также сильный характер прототипа, самоотверженного фанатика медицины, я решил избрать для повествования крупную поэтическую форму. Написав поэму, отступав на машинке текст, отправился в редакцию «Сибирских огней» и сразу попал в руки Решетникова. Он тут же, при мне, всё прочел, был немногословен, и, помнится, одну строфу даже одобрительно, звучала она так: «Одиннадцатилетний школьник – уже судьба его видна: в его сосудах, будто в штольнях, идет гражданская война».

Впрочем, тем похвалы и кончились. Началась работа над ошибками.

Б. Тучин

Продолжение в следующем номере

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Маяковский и Татьяна

Про любовь и драмы в стихах и жизни Владимира Маяковского до сих пор не утихают страсти и споры литературоведов и биографов. Поднимаются и открываются новые факты, свидетельства, рождаются новые книги.

Про «последнюю музу», его «парижскую любовь» – Татьяну Яковлеву – писали многие, но хочется остановиться на воспоминаниях дочери Татьяны – Франсин дю Плесси Грей.

Татьяна вышла замуж за отца Франсин, графа дю Плесси, в конце декабря 1929 года, взве-

сив все «за» и «против» возвращения в Россию в статусе музы большого советского поэта.

Для поэта начался последний, как оказалось, период его жизни и творчества.

Татьяна Яковлева прожила очень долгую и по-своему яркую жизнь на другом континенте, в

союзе с Алексом Либерманом, представителем «геня глянца и гламура, легендарного художника империи Condé Nast.

Но до самых последних дней она называла Маяковского «настоящим джентльменом». О многом говорит и тот факт, что это отношение к поэту Татьяна передала и своей дочери, Франсин. Ведь то немногое, что потребовала Франсин при разделе оставшегося после смерти матери наследства от Алекса, были письма Маяковского. Если учесть, что в Штаты Татьяна и Алекс буквально бежали из Европы, охваченной войной в конце 1940

года, то понимаешь, что это был не просто эпизод в её довольно бурной жизни.

Меня в этой истории поразила не столько любовно-лирическая составляющая отношений Поэта и Музы, а временная шкала всей этой истории, начавшейся в конце 20-х годов, и закончившаяся смертью Татьяны, в 1991 году. Соединение двух эпох, большой войны, двух континентов, двух судеб, встретившихся в Париже, городе, созданном для любви. Великий треугольник жизни. Вернее, один из.

Наталья Трегуб,
зав. библиотекой ДУ

